

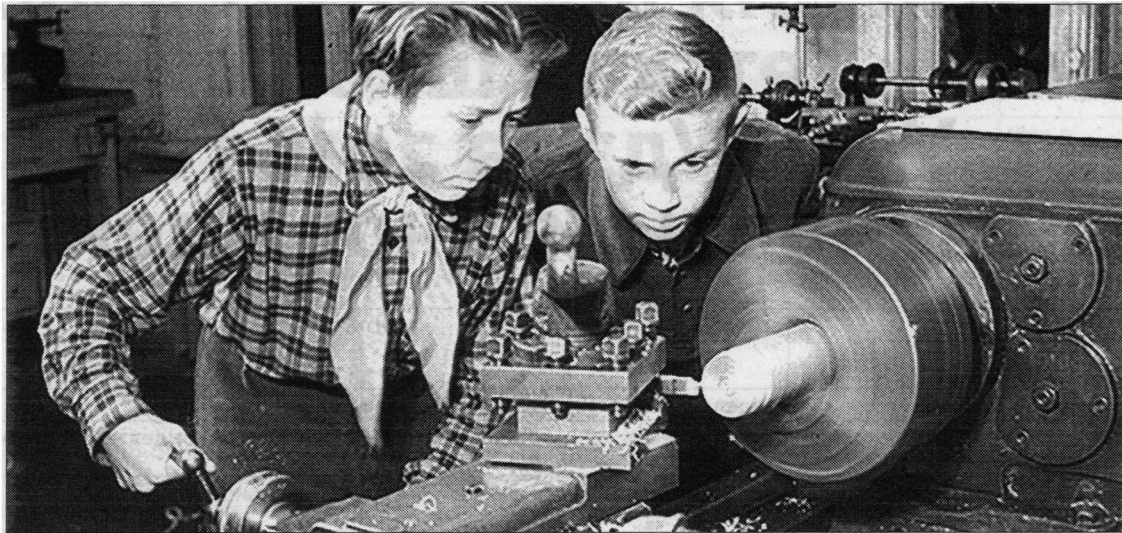
ДЕТИ ВОЙНЫ

Несмотря на то, что через Бурятию не проходила линия фронта, война пришла и сюда. Она звучала голосом диктора Всесоюзного радио Левитана, доносившимся из репродуктора. Она была в очередях за хлебом, который выдавали по карточкам, в семьях эвакуированных, приехавших из оккупированных немцами областей, в похоронках, извещавших о гибели отцов, сыновей и братьев. Война превращала школы в госпитали, а учеников, вместо взрослых, уходивших на фронт, ставила к станкам, отправляла на фермы и поля.

Война резко оборвала детские звонкие песни, веселье и беззаботные игры. От мирных привычных забот не осталось и следа. Тяжелой ношей легли на детские плечи заботы трудового фронта. Тем более что нормы выработки на полях и заводах, где работали дети, были поистине огромны.

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА

Из отчета Бурят-Монгольского обкома ВЛКСМ от 9 апреля 1946 г. в ЦК ВЛКСМ: «Комсомольцы и пионеры большинства школ являлись передовиками в учебе, организаторами соцсоревнования. В комсомол за годы войны было принято 6631 учащийся. На сельхозработах, начиная с 1941 по 1945 год, работало 113 744 человека. Выработано за этот период 3 949 457 трудодней. Пионеры и школьники работали пахарями, бороновальщиками, ухаживали за посевами, вели борьбу с сорняками, грызунами, помогали в уборке и охране урожая, проводили политико-массовую и культурную работу на селе среди колхозников. Лучшие отряды, школы и учащиеся заслужили своим самоотверженным трудом достойную похвалу от колхозников и были отмечены Центральным Комитетом ВЛКСМ, наркомпросом РСФСР, Наркомземом СССР и республиканскими организациями. Не отставали от сельских ребят и городские школьники. Во время войны ежегодно 800 учащихся городских школ выезжали в колхозы. Высокие показатели в работе имели школьные

отряды школ № 1, 9, 4, 14, 3, 22, 12 и др.»

К концу 1942 г. учащаяся в производстве молодежь до 18 лет составляла 15% по сравнению с 6% в 1940 г. Пионеры и школьники активно помогали старшим в труде. Юные труженики Новоильинского шпалозавода Михаил Сергеев и Иван Матвеев во время летних каникул 1942-1943 гг. заменили ушедших на фронт отцов и братьев. 15 сентября они выполнили годовой план для взрослых на 125%, а своим личным примером привлекли на завод еще 19 школьников. Всего же на шпалозаводе вместе со взрослыми трудились 109 подростков-школьников.

Из воспоминаний Марии Ивановны Пушкаревой:

«Грудное это время было. Мы, дети и подростки, вместе со взрослыми работали на полях и делали все, что нам приказывали. Особенно изнурительный труд был во время уборки урожая, так как старались убрать с полей все до зернышка... Перед сном ели кашу из цельного зерна и ложились спать в солому. А чуть свет — на работу. И опять, то же самое каждый день. Не было обуви, одежды... Постарше дети косили вручную пшеницу, заготавливали сено для колхозных лошадей, для скота. Наши матери по ночам пряли шерсть, вязали носки, варежки для солдат на фронте, собирали посылки. Отдыхать им приходилось мало...»

Воспоминания Владимира Ивановича Лумпова:

«Мой отец погиб еще до войны, а мать осталась одна с тремя детьми. В 1941 году мне было 12 лет, и я был старшим мужчиной в семье. В 14 лет меня взяли помощником машиниста на тепловоз. Работа была тяжелая, не для мальчишки, но справлялся как-то. Мешки таскали по

50 кг, одежды почти не было теплой, грелись у костра. Еду тогда выдавали по талонам — 125 граммов на рабочего. Я половину хлеба сам съедал, а вторую домой приносил братьям...»

Из воспоминаний выпускницы Хоринской школы Е.Д. Бельдуевой:

«Идет третий год войны. Советская армия ведет бои на Западе, но конца еще не видно. Продолжают приходить похоронки. В каждом доме с тревогой ждут почтальона, надеясь на то, что отец, сын или брат доживет до счастливого дня Победы и вернется живым в отчий дом. Редуют классы: мальчишки уходят на фронт. И выпуск 1944 г. особый — закончили его 11 девочек, хотя в младших классах было иногда до 42 учеников. Не всем удалось дойти до выпускного класса. Когда началась война, подростков из 6-7 классов стали отправлять работать в колхоз. Старшие ребята учили нас косить сено, грести, а затем возить копны; к осени вязали снопы. Учеба с 1 сентября не начиналась, так как работали на хлебоуборке, уборке овощей. На сельхозработах были где-то до 20 октября, ведь кроме стариков и женщин работать было некому...»

Из воспоминаний выпускника Хоринской школы Г.Н. Бородина:

«Подростки заменяли отцов и старших братьев: заготавливали дрова, корма для собственного подворья, а осенью вместе с классом работали на сенокосилках, конных граблях. В зимнее время занимались охотничьим промыслом: ловили зайцев на петли, рябчиков. Ловили рыбу на Уде и по озерам. В летнее время занимались сбором ягод: брусники, черемухи, боярки, морошки,

смородины, много готовили мангира, сараны. В зимнее время, ближе к весне, отправились заготавливать дрова для отопления школы. Зимой часто ездили в Байсын-Эбыр помогать завозить сено, убирать скотный двор. Работали до позднего вечера, затем знакомили колхозниц со сводками Совинформбюро и ставили небольшой концерт, выступали с частушками о Гитлере, на злобу дня, пели песни, посвященные воинам, армии. С песнями возвращались домой, провожали девочек, а потом до ночи при свете коптилок готовили уроки...»

Юный музыкант

Всуровые годы войны в войсковых фронтовых частях, партизанских отрядах было немало детей-подростков, одетых в солдатскую не по размеру одежду и кирзовые сапоги. Их называли «сынами полка». Они принимали участие в боях, ходили в разведку... Вот и Ване Шаныгину не было еще 13 лет, а он уже носил военную форму и был записан рядовым 892-го стрелкового полка 298-й стрелковой дивизии Забайкальского военного округа.

Вот как рассказывал позднее Иван Яковлевич Шаныгин: «Я учился в пятом классе средней школы Кяхты. В один из февральских дней 1944 г. в школу приехали военные. Собрали нас вместе и один из офицеров спросил: «Кто хочет играть в духовом оркестре?» Я сразу записался. Кроме меня, изъявили желание стать «духачами» еще 16 ребят. Осталось получить согласие матери. Жили мы, признаться впроголодь. Отец рано умер, а нас у мамы было четверо. Работала она одна. И мама, учитывая мое желание, хотя и не сразу, но согласие дала. Так я стал воспитанником муззвезда...»

Не все ребята выдержали трудности армейской службы. Да и музыка не давалась кое-кому, и половина ребят из Кяхты вернулась домой.

Вскоре в полк пришло пополнение: из Улан-Удэ привезли 10 мальчишек и еще 6 — из Читы. У Ивана Шаныгина были неплохие музыкальные способности, и уже через четыре месяца он успешно играл на альте в оркестре.

«Помню, в конце 1944 г. мне предоставили отпуск, — вспоминал ветеран, — и я приехал домой в Кяхту. Одетый и обутый во все, новое, сшитое по моему размеру, обмундирование, в зеленой английской шинели, в хромовых сапогах, я произвел, что называется фурор среди сверстников. Толпами бежали за мной кяхтинские ребята, когда я появлялся на улице, завидуя мне, что такой я маленький, а уже солдат...»

Когда Советский Союз объявил войну Японии, полк подняли по тревоге, и он двинулся к границе. Из воспитанников оркестра на войну взяли только двоих — Ивана Шаныгина и его друга Толю Хметова из Улан-Удэ. Первое боевое крещение Иван Шаныгин принял под городом Маньчжурия. Два часа советские самолеты бомбили, а артиллерия обстреливала противника. От канонады в ушах стоял звон, а глаза резало от непрерывных огневых вспышек. «Конечно, было страшно, — рассказывал Иван. — Но надо было исполнять свою службу. И как только выдавалась свободная минута, мы расчехляли инструменты и заполняли короткий отдых солдат бодрими маршами, поднимая боевой дух и настроение у фронтовиков».

Однако ребятам приходилось заниматься и ратным трудом — ходить в разведку и даже уничтожать огневые точки врага. Так, на подходах к Большому Хингану батальон, к которому был прикреплен духовой оркестр дивизии, попал под сильный пулеметный огонь противника. Комбат Панкратов послал двух добровольцев уничтожить эту огневую точку, но они погибли.

«Тогда мы с Толей стали упрашивать комбата, чтобы он разрешил это сделать нам, — рассказывал Иван Яковлевич. — И мы пошли, а батальон отвлекал огнем засевших у пулемета японских смертников. Пользуясь детской проворностью, мы добрались до этой огневой точки, забросали гранатами и расстреляли самураев длинными очередями из автоматов. И батальон двинулся дальше...»

Война для Ивана Шаныгина закончилась в Чаньчуне, а служба продолжалась. Лишь в 1979 г. он демобилизовался и вернулся на родину.

Подготовил
Евгений Голубев